

активного освоения достижений материальной и духовной культуры нашего времени.

Конечно, в ней есть как позитивное, так и негативное. Критерий отделения одного от другого, на наш взгляд, не так уж и сложен и заключается в том, что ценным является лишь то, что позволяет человеку творить свободно, без насилия, *радость и любовь* к природе, далеким и близким людям, самому себе. Любовь была прежде и останется навсегда высшим мерилем смысла и содержания человеческой деятельности, ибо она непосредственно связана с производством жизни, ее сохранением и улучшением. Все попытки найти иные критерии оказались, как показывает история, неудачными.

Без этого яркого, конструктивного чувства невозможно осуществить самосовершенствование, а затем выйти на тот уровень творчества, который позволяет личности стать субъектом развития различных общностей. Ведь дальнейший широкомасштабный научно-технический и социальный прогресс возможен только при условии постоянного возрастания той массы индивидов, которые своими способностями и талантами обеспечивают постоянное обновление содержания и форм человеческой жизнедеятельности. Поэтому в XXI веке потребуются кардинально перестроить всю систему воспитания, образования с целью реализации общественной потребности в саморазвивающихся, умеющих продуманно, обоснованно изменять окружающий мир индивидах.

Таким образом, в грядущем столетии как на уровне человеческого рода в целом, так и на уровне индивидуальном будут активно происходить кардинальные преобразования, которые потребуют более глубокого познания законов социальной жизни, следовательно, развития всех общественных наук: философии, психологии, социологии, педагогики и др., а также умелого их использования в новых формах взаимодействия человека с естественной и созданной им искусственной природой.

К. Н. Любутин

РОССИЙСКИЕ ВЕРСИИ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА: УРАЛЬСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

Большое видится на расстоянии... Правда, нынче в России процессы близкого действия — нищета, криминал, нравственная деградация — заслонили многое из прошлого и будущего. Почитаешь бойких «ельциноидов», тоскливо стано-

вится: не было у нас за 70 лет и настоящей истории, не было жизни. Были только М. Горбачев и А. Яковлев, раскрывшие нам всю пустоту и мерзость российского прошлого...

Но, кажется, доставшееся от «гаранта Конституции» похмелье постепенно проходит. Российский менталитет обнаруживает, что на месте нынешнего маразма, культа жестокости и эгоизма была великая культура — советская культура, как бы ее ни обзывали: «псевдосоциалистическая», «авторитарная» и т. п. Духовная культура — от науки до поэзии. А наша детская литература? Не было и нет по сию пору такой высоконравственной, талантливой, многогранной литературы в мире.

А философия? «Бытует мнение, — пишет В. А. Лекторский, под редакцией которого вышла большая книга «Философия не кончается...», — что советские философы в лучшем случае неумные люди, а в худшем — проходимцы и апологеты власти... На самом же деле картина философской жизни в нашей стране гораздо интересней и сложнее»¹. Да, было создано принудительно русское зарубежье. Но всегда были философы, находившиеся как бы вне официальной линии, идеи которых именно сегодня оказались востребованы не только российской, но и мировой философией. Глубоко прав В. А. Лекторский, говоря, что «самые популярные сегодня в мире русские философы и философствующие теоретики — это не представители русского религиозного Ренессанса начала столетия (последние из которых были высланы на “философском пароходе”), а мыслители, разработавшие свои концепции в Советской России»².

И роль Уральской философской школы в этом не второстепенна (сам термин «Уральская философская школа» впервые употребил в конце 60-х годов чл.-корр. АН СССР Б. П. Колесников, бывший в то время ректором университета). Возьмем только одну, но вечную проблему философии — понимание самой философии, ее предмета. Как-то английский философ Э. Геллнер заметил: «Священник, потеряв свою веру, отказывается от своего призвания; философ, потеряв свою, определяет заново свой предмет»³. Потеря веры, как правило, случается в переломные периоды. Так было, например, в 1956 году, когда советские обществоведы испытали потрясение в связи с XX съездом КПСС и критикой И. Сталина. Рухнула сталинская версия философии марксизма (со сталинской версией марксизма вообще дело обстоит сложнее — М. Суслов поддерживал ее много лет, и она, пережив «серого кардинала», дотянула до горбачевских экспериментов).

В рамках партийной парадигмы тех лет речь могла идти, во-первых, о восстановлении той марксистской философии, которая шла от Ф. Энгельса через Г. Плеханова к В. Ленину и которая замыкалась на идеях «Анти-Дюринга». Именно она абсолютно господствовала в литературе до выхода известного «Краткого курса» (1938), в котором Сталиным была изложена иная позиция (§ 2, гл. 4).

Трактовка Энгельсом предмета философии вообще и марксистской в частности весьма противоречива. То он объявляет современный материализм вовсе и не философией, а «просто мировоззрением» и толкует о том, что от прежней философии остается формальная логика и диалектика; то возводит философию, как диалектику, в ранг науки о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления.

Эта противоречивая позиция Энгельса оказала влияние и на соответствующие формулировки работы Ленина «Карл Маркс», где сказано, что философия марксизма есть материализм. Это именно философия

фия. Но, оказывается, есть еще диалектика. Это наука. О тех самых всеобщих законах.

Первым учебником, содержащим последовательную сциентистскую трактовку философии марксизма, был учебник «Диалектический материализм», подготовленный заведующим кафедрой философии Уральского государственного университета им. А. М. Горького М. Н. Руткевичем (на основе курса лекций для студентов естественных факультетов университета). Он вышел в свет в 1959 году и не только обладал необходимыми для такого рода издания учебно-методическими характеристиками, но одновременно носил характер подлинно научного исследования. В 1973 году «Диалектический материализм» в переработанном варианте вышел как курс лекций для студентов философских факультетов. Определение диалектического материализма, данное М. Н. Руткевичем, стало классическим и так или иначе варьировалось у многочисленных авторов. Вот оно: «Как же следует определить предмет диалектического материализма?... Мы можем сказать, что диалектический материализм есть наука о соотношении бытия и мышления и о наиболее общих законах развития бытия и мышления. Бытие здесь понимается как материальное бытие, как природа и общество. Если учесть, что отношение мышления, как вторичного, к бытию, как первичному, тоже выступает как закон, характеризующий взаимосвязь этих основных сторон реальности, а законы диалектики являются законами развития бытия и мышления, рассматриваемых в их взаимосвязи, можно сказать еще более кратко: *наука о наиболее общих законах бытия и мышления*»⁴.

Сциентистская версия философии марксизма оказала существенное позитивное воздействие прежде всего на развитие естественных наук в послесталинский период как в СССР, так и в других странах.

Философам, которые раньше «плясали под дудку» партийных функционеров, а теперь бегут от марксизма и готовы осенять себя крестным знамением и стоять со свечками в церкви, я бы посоветовал посмотреть книгу известного своими фундаментальными исследованиями по истории науки американского ученого, профессора Массачусетского технологического института Лорена Грэхэма «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе». Вот что можно найти в ней: «Современный советский диалектический материализм является впечатляющим интеллектуальным достижением. Улучшение ранних положений Энгельса, Плеханова и Ленина и развитие их в систематическую интерпретацию природы представляет собой наиболее оригинальное творение советского марксизма. Развиваемый наиболее способными его сторонниками диалектический материализм, без сомнения, есть искренняя и обоснованная попытка понять и объяснить природу. По универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли... Оригинальность советского диалектического материализма в сравнении с другими областями мысли в СССР не является результатом только талантливой деятельности отдельных его представителей; она проистекает из природы классического марксизма и головокружительной скорости развития самой науки»⁵.

Святые слова! Правда. Но не вся. Преодоление сталинской версии философии марксизма шло как возрождение той традиции, которая восходит к Гегелю и Энгельсу, развивалась Плехановым и Лениным. О какой-либо специфике взглядов Маркса на философию сторонники этой позиции речи не вели. Вообще, господствовала такая модель: Маркс и Энгельс — это существо, у которого два туловища, но голова уж точно одна. А между тем это было далеко не так, и понимание философии Марксом существенно отличалось от понимания ее Энгельсом. И одними из первых (если не первыми) в СССР на это обстоятельство обратили внимание сотрудники кафедры истории философии Уральского университета в связи с исследованиями современной философской антропологии. Сторонники философской антропологии видели в Марксе одного из своих главных предшественников. Официальная позиция, озвученная Сусловым и Федосеевым была однозначна: все это очередная, именно «антропологическая», фальсификация философии Маркса, попытка противопоставить философские взгляды Маркса Энгельсу и Ленину. Слов нет, среди «советологов» и «марксологов» той поры было немало желающих порезвиться на почве антисоветизма и антимарксизма. Но были среди них и люди типа Эриха Фромма, которые отличались исключительной личной честностью, глубоким знанием учения Маркса и творческим егоприятием.

Наше обращение к Марксу убедило в том, что главное в философии Маркса — учение о человеке и обществе. Сам Маркс именует ее «практическим материализмом», А. Богданов — «социальным материализмом», А. Грамши — «философией практики». Во-первых, Маркс оказался тем философом, в трудах и размышлениях которого философская антропология Л. Фейербаха не только получила адекватную оценку, но, как показано в наших работах, была развернута на качественно ином уровне. В основном это связано с выяснением роли практики как субстанции общественной жизни. Конечно, дело не только в продолжении антропологической традиции, идущей от Фейербаха. «Праксиологический подход, сформулированный Марксом... был логическим завершением классического германского идеализма, стержневая идея которого интерпретировалась Марксом сначала в терминах философской антропологии и позднее была сформулирована им на языке политической экономии»⁶. Цитируемый автор прав только в первой части утверждения. В наших работах 70–80-х годов было показано, что в политической экономии Маркса исходное начало вовсе не человек, а «общественно определенное производство», что философская антропология Маркса и его политическая экономия опосредованы теоретической социологией. Суть дела такова: философская антропология Маркса имеет две ипостаси, учение о сущности человека и учение о его субстрате; в рамках теоретической социологии эти ипостаси получают развитие как учение о производственных, общественных отношениях в целом и учение о производительных силах. И что характерно, Маркс возвращается к антропологическому принципу в пределах теоретической социологии, когда в «Капитале» толкует о трех ступенях исторического развития (видимо, применительно к Европе прежде всего). Речь идет о ступенях становления человеческой социальности: ступень личной зависимости, ступень личной независимости, основанной на вещ-

ной зависимости, универсальное развитие человека, свободная индивидуальность (третья ступень).

Признанный знаток истории философской мысли России и СССР нидерландский ученый Эверт ван Цвирде справедливо обобщил: «Советская философия — эпизод истории русской философии и часть истории России. Будучи таковой, она не только часть исторического наследия, но также будущего в рамках традиции русской философской культуры»⁷.

Сложившаяся в советское время Уральская философская школа — органическая часть великой русской философской культуры. Не случайно местом проведения II Всероссийского философского конгресса в 1999 году был избран г. Екатеринбург (I конгресс был проведен в 1997 году в Санкт-Петербурге). Важнейшая рекомендация конгресса — изучение российских версий марксизма, темы, которая является одной из основных тем кафедры истории философии Уральского университета.

Свой 80-летний юбилей университет встречает полным творческих планов и немалых свершений. Что же до университетских философов, то надо сказать, что на кафедрах философского факультета и ИППК интенсивно разрабатываются обе интерпретации марксистской философии. Об этом свидетельствуют и печатная продукция, и подготовка сотен специалистов, в том числе кандидатов и докторов наук.

¹ Лекторский В. А. Предисловие // Философия не кончается.... В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Геллнер Э. Слова и вещи. М., 1962. С. 26.

⁴ Руткевич М. Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 37.

⁵ Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 415–418.

⁶ Водолагин А. Онтология политической воли. М., 1992. С. 13.

⁷ Цвирде Э. ван. Советская философия — идеология и служанка. Неймеген, 1994. С. 627.

Л. Н. Шеврин МНОГООБРАЗИЯ АЛГЕБРАИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Алгебраической системой называется множество, на котором задан некоторый набор алгебраических операций; операций в этом наборе может быть как конечное число (в частности, одна), так и бесконечно много. Понимание высказанного определения предполагает знание математических понятий множества и алгебраической операции. Имея в виду преимущественно читателя-нематематика, я не буду здесь углубляться и приводить соответ-

ствующие разъяснения, а проиллюстрирую определение на нескольких, надеюсь, вполне понятных примерах. Множество N всех натуральных